

КОНТЕКСТ

И.Е. ГОРЕЛЬСКИЙ, М.Г.МИРОНЮК*

**ВЗБИРАЯСЬ ПО «СТАТУСНОЙ ЛЕСТНИЦЕ»:
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ
СТАТУСА ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ¹**

Аннотация. Авторы предпринимают попытку эмпирического исследования статуса государства в системе международных отношений и ставят перед собой задачу изучения связи данной категории с категорией государственной состоятельности. В рамках исследования под статусной позицией предлагается понимать признание важности государства (его значимости, влиятельности и т.п.) международной системой, другими государствами. Взяя за основу данное определение, авторы показывают, что статус государства (аналогично статусу индивида в сообществе) следует считать продуктом конструирования его образа со стороны других. При этом отмечается, что статус, который признан за государством или к которому государство стремится, обеспечивается материальными и нематериальными основаниями и (или) ресурсами, которые в конкретный момент времени считаются международным сообществом составными элементами «мо-

* **Горельский Илья Евгеньевич**, студент магистерской программы «Прикладная политология» факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия), e-mail: iegorelskiy@edu.hse.ru; **Миронюк Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, доцент Департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Москва, Россия), e-mail: mmironyuk@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01651), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

щи» («силы») государства. В академической литературе среди таких факторов («активов») нередко выделяют «управление». Авторы опираются на предложенные А.Ю. Мельвилем, А.С. Ахременко и И.Е. Горельским концептуализацию и операционализацию «государственной состоятельности», которая ближе всего по смыслу к «управлению» как «активу». В эмпирической части авторы предлагают оригинальную операционализацию статуса государства, привлекая набор индикаторов, отражающий как его материальные, так и нематериальные составляющие. На основе иерархического кластерного анализа показателей статуса и государственной состоятельности с тонкой настройкой параметров были получены устойчивые объединения групп стран и найдено их пересечение с точки зрения рассматриваемых переменных. В результате авторы, изучив подобные объединения при обращении к лепестковым диаграммам, служащим особой формой визуализации многомерных данных, приходят к выводу, что между двумя латентными конструктами – статусом в международных отношениях и государственной состоятельностью – наблюдается положительная связь, которая фиксируется, в том числе, и во временной динамике.

Ключевые слова: государство; статус; международные отношения; иерархия; государственная состоятельность; иерархическая кластеризация; лепестковые диаграммы.

Для цитирования: Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взираясь по «статусной лестнице»: Опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 140–174. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>

Введение

Понятие «статус» в той или иной форме используется социальными науками относительно давно для описания позиций акторов внутри сообществ или даже для объяснения особенностей их поведения, хотя для объяснения собственно поведения государств в мировой политике оно применяется более системно в последние два десятилетия. Концепт был привнесен в политическую науку (и международные исследования как ее субдисциплину) из других отраслей знания, причем в случае международных исследований он был значительно обогащен представлениями, происходящими из современных естественных (биология) и социальных (психология) наук. Сказанное не противоречит тому, что собственно слово «статус» для объяснения международно-политических реалий применялось и до проникновения в международные исследования

теории социальной идентичности, для которой концепт статуса является основополагающим при изучении различных сообществ.

Международные исследования, как и политическая наука вообще, уделяют много внимания власти – тому, как она возникает, как проявляется, как воспринимается, как распределяется, как отправляется и т.п. Концепции, имеющие в своей основе понятие статуса, также используются для этих целей, но специфика отношений между государствами вносит важные корректизы. Во-первых, государство (в отношениях с другими государствами) традиционно рассматривается в качестве самостоятельной единицы анализа (аналогично взаимодействующим и борющимся за власть индивидам). Во-вторых, государства, выступающие в качестве самостоятельных акторов, непременно взаимодействуют друг с другом в форме сотрудничества и (или) соперничества в соответствии со своими интересами. В-третьих, содержание и иерархия интересов оспариваются основными теориями международных отношений, поскольку, в-четвертых, постулируются принципиально разные фундаментальные характеристики системы международных отношений и их последствия. Так, и реалисты, и либералы принимают положение о том, что в международных отношениях отсутствует сила «выше» государств, способная подчинить себе всех или большинство акторов (отсюда тезис об анархии как фундаментальной характеристике системы международных отношений [Waltz, 2017, р. 67]), хотя и делают разные выводы: практически все реалисты – о неизменности и вечности принципа самостоятельного обеспечения безопасности (как главного и основного интереса, выступающего в качестве предпосылки достижения любых иных целей и интересов, включая экономическое процветание и т.п.), современные либералы – о возможности сотрудничества и преодоления последствий анархии. Конструктивисты, которым международные исследования «обязаны» использованием теории социальной идентичности для объяснения международно-политических реалий, предлагают иное понимание происхождения и последствий анархии (например, [Milner, 1991; Wendt, 1992]).

При всех различиях современные представители данных теорий в целом сходятся на том, что в системе международных отношений отдельные акторы могут выступать в качестве главенствующих сил, потенциально способных влиять на принятие ключевых решений, тогда как другие оказываются практически неспо-

собны нарушить статус-кво [Lake, 2007, p. 56]. Идея наличия иерархии в системе международных отношений, оцениваемой в целом как анархическая (но не беспорядочная, не хаотичная), предполагает наделение отдельных государств-акторов такими характеристиками, которые отличают их от других членов мирового сообщества и обозначаются такими понятиями, как «сверхдержавы», «гегемоны», «великие державы» и т.п. Факторы достижения таких свойств могут различаться, что выражается в дискуссиях о «мягкой», «жесткой» и «умной» силе и т.п. Как раз для описания совокупности таких свойств используется концепт статуса, выступающий в том числе в качестве рамки анализа и системы международных отношений, и поведения отдельных акторов в ней.

Согласно исследованиям в области психологии, статус является одной из ключевых характеристик любой социальной группы (см., например: [Anderson, Kilduff, 2009, p. 295]). Приобретение или изменение статуса в системе международных отношений следует трактовать с позиции наличия иерархии в межгосударственных отношениях, так как статус выступает в качестве зафиксированной позиции актора, изменение которой возможно в том случае, если существует возможность вертикальной мобильности по определенной «статусной лестнице». Модель социальной иерархии как определенный тип рангового представления социальных групп на основе действующих социальных норм и ценностей [Magee, Galinsky, 2008, p. 353] является, таким образом, базовой предпосылкой рассмотрения статуса. Более конкретно, статус по своей природе – продукт конструирования со стороны других. Содержательно статус – это относительное признание важности (значимости, влиятельности и т.п.) государства международной системой, другими государствами. В таком понимании статус выступает в качестве концепта, близкого понятиям власти, силы и моши, но он не равнозначен им (см. дискуссию о статусных позициях в человеческих сообществах: например, [Kelley, Lucas, Lovaglia, 2017; Smith, Magee, 2015]).

Даже если статус государства – это продукт конструирования со стороны других государств, международной системы, то подобное действие требует определенных оснований. Государство не будет восприниматься в качестве «великой державы», если данный статус не подкрепляется материальными и нематериальными основаниями и (или) ресурсами, которые в конкретный момент

времени считаются международным сообществом составными элементами «моши» («силы») государства. То, насколько эффективно государство управляет, насколько государство способно выполнять свои базовые или специфические функции, можно считать «активом» (Р. Арт использовал такую оценку для понятия «управление» (governance) [Art, 1980, р. 3], хотя логично предположить, что «плохое управление» – это « passiv »), т.е. фактором, создающим «мошь» («силу»), что и будет так или иначе восприниматься другими государствами и фиксироваться в «статусе» государства.

Мы воспользуемся предложенными А.Ю. Мельвилем, А.С. Ахременко и И.Е. Горельским концептуализацией и операционализацией понятия «государственная состоятельность» [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 а], которая выступит в нашем исследовании в качестве независимой переменной. Мы предполагаем, что между государственной состоятельностью и статусом государства в международных отношениях существует связь, проиллюстрировать которую мы планируем при помощи обращения к многомерным статистическим методам анализа данных.

Статус государства в системе международных отношений: концептуализация

Согласно классическим представлениям Макса Вебера о природе статуса, статусные различия в обществе являются определенными осями, с помощью которых организуется неравенство общественных отношений, а сам статус выступает в качестве меры социальной значимости актора в отношениях с другими [Weber, 1978, р. 87]. Применительно к государствам в системе международных отношений статус выступает измерением эмпирических различий, подчеркивая большие способности одних и недостаточные возможности других. Одновременно статусные позиции являются базисом внутригруппового общения, позволяя регламентировать отношения между государственными акторами таким образом, который признается каждым потенциальным участником. Последнее позволяет выделить ключевую характеристику статуса – признание социально значимых характеристик за отдельным актором исходит не столько от него самого, сколько от подобных ему

членов сообщества: «Статус – это коллективные представления о месте государства [в системе международных отношений] на основе признаваемых значимыми ценностей» [Larson, Wohlforth, 2014, р. 7].

Статус открыто или негласно фиксируется международным сообществом за конкретным государством прежде, чем оно провозглашает себя (и соответственно ведет себя), например, «великой державой». При этом характеристики созданного образа могут варьироваться в зависимости от исповедуемых коллективных статусных представлений, которые, по мнению исследователей, обладают некоторыми важными отличительными свойствами: 1) такие представления не приравниваются к понятию фаворитизма – вовсе не обязательно, чтобы актор, признаваемый социально значимым, вызывал симпатию у всех участников системы; 2) они являются обобщенными, не учитывают национальную специфику; 3) они тесно связаны с понятием социальной репутации, отсутствие которой не позволит считать отдельного актора значимым [Ridgeway, Correll, 2006, р. 433]. В зависимости от того, насколько государство соответствует таким ожиданиям, оно будет признаваться другими как важный или же незначимый элемент международных отношений. Именно поэтому дискуссия о статусе в современных исследованиях все чаще переходит к рассмотрению успешных стратегий и траекторий его достижения, а сам он выступает в качестве заветной цели.

Объяснение необходимости достижения высокой статусной позиции не может опираться на признание за концептом исключительно символического значения. Стремление к статусу может быть продиктовано различными причинами: начиная от тех, которые основываются на биологических принципах, и заканчивая теми, которые акцентируют внимание на статусе как на определенном благе. Например, в животных сообществах целью приобретения статуса является необходимость передачи генетической информации более успешными особями, а сам он выступает механизмом эволюционного отбора (см., например: [Sapolsky, 2004; Utevsky, Platt, 2014]. Впрочем, последовательное распространение такого объяснения на все человеческие и тем более на межгосударственные взаимоотношения проблематично.

Ключом к объяснению значимости статусной позиции является представление о том, что люди по своей природе склонны

представать перед окружающими с лучшей стороны [Tajfel, 1982, р. 11.]. В этом случае стремление к приобретению высокого статуса объясняется скорее психологическими причинами: попытка взобраться выше по «статусной лестнице» является актом самоутверждения, даже несмотря на то что признание результата зависит от других членов социальной группы: как подчеркивал нобелевский лауреат по экономике Дж. Харсаньи, социальный статус в рамках человеческих отношений выступает в качестве одного из главных стимулов и источников мотивации социального поведения людей [Harsanyi, 1976, р. 204].

Социальная важность статуса приводит в том числе к тому, что традиционно люди достаточно аккуратны в его интерпретации в отношении другого, осознавая, насколько значимыми могут быть последствия приписывания неверной статусной дефиниции актору соответствующей социальной группы [Pettit, Sivanathan, 2012, р. 571]. Последнее становится особенно опасным в тех случаях, когда подобный актор обладает значительным запасом мощи, которая, не получая должного признания, приводит к повышению уровня агрессии: совпадение больших возможностей и недооценки статуса – наихудшее из возможных сочетание статуса и мощи [Status, Power, and Intergroup Relations, 2016, р. 44; Fast, Halevy, Galinsky, 2012, р. 393]. Особенno актуально такое утверждение для государств, которые, не смирившись со сложившейся статусной системой (это могут быть как «восходящие державы», так и «державы в упадке»), потенциально способны развязывать войны [Renshon, 2016, р. 515].

Стремление к признанию или достижению более высокого статуса может быть продиктовано не только психологическими причинами. Рациональный выбор также может служить объясняющим механизмом. Если предположить, что наличие высокого статуса благоприятно оказывается на взаимоотношениях индивидов с другими, становится очевидной логика его приобретения: повышение статуса крайне выгодно. Так, с точки зрения государства ценность статуса может заключаться в увеличении инвестиционной привлекательности, расширении торговых связей, повышении влияния на принятие важных решений в мировой политике, прямо или косвенно затрагивающих государство, стремящееся к повышению своего статуса. Более того, проведенные эксперименты показывают, что в человеческих сообществах статусные игроки

получают возможность достигать большего, чем те, кто находится внизу «статусной лестницы» [Akinola, Mendes, 2014, p. 48; Ball, Eckel, 1996, p. 398; Congleton, 1989, p. 189]. Мотивы приобретения статуса, несмотря на первоначальную конструктивистскую природу концепта, могут быть исключительно рациональными, что является важным обстоятельством в контексте настоящего исследования в попытке поиска связи между статусом государства и государственной состоятельностью. Статус в таком случае может выступать и в качестве определенного сигнала ненаблюдаемых возможностей, имеющихся у государства в распоряжении, причем стремление к его достижению может сохраняться даже в связи с потенциальными издержками [Rege, 2008, p. 233–234].

Существование различных подходов, объясняющих механизмы достижения статуса, подчеркивает потенциальную сложность рассматриваемых связей. Акцент на моци, трансформирующейся впоследствии в достигаемый статус, является достаточно распространенным способом их оценки в соответствующей академической литературе (см., например: [Lim, 2015; Rauch, Wurm, 2013]). Переход силы и моци в плоскость внешней политики рассматривается в качестве средства достижения признания со стороны акторов системы [Rauch, 2016, p. 129]. Такой подход позволяет обратить внимание не только на имеющийся в распоряжении материально-технический ресурс, но также и на отдельные компоненты государственной моци, включая институциональные возможности, которые тесно связаны с государственной состоятельностью. Тем не менее в данном случае фиксируется лишь возможность трансформации, но не траектории изменения статусных позиций в системе международных отношений.

Современным подходом к рассмотрению стратегий по достижению государством статуса в теории международных отношений остается теория социальной идентичности, которая изначально была представлена британским психологом А. Тайфелем [Tajfel, 1982]. Сторонниками использования данного подхода применительно к анализу международных отношений являются американские исследователи Д. Ларсон и А. Шевченко, которые отмечают, что попытки государств закрепить положение на международной арене представляют собой набор симвлических действий, направленных в первую очередь на изменение восприятия со стороны других акторов [Larson, Shevchenko, 2010, p. 69]. Данный набор

предопределяет выбор в пользу той или иной стратегии поиска статусной позиции и помогает проследить для некоторых стран эволюцию их внешней политики. Опираясь на теорию социальной идентичности, Д. Ларсон и А. Шевченко отмечают три возможных сценария достижения государствами статуса: 1) социальная мобильность – принятие государством господствующих в международной системе норм и правил, позволяющих взобраться по «статусной лестнице» (исключительно в тех случаях, когда сама мобильность возможна, а иерархическая структура претерпевает трансформацию); 2) социальная конкуренция – отказ принимать господствующие в системе правила, признавать их легитимными в условиях отсутствия возможности вертикальной мобильности (непосредственная борьба за статус); 3) социальная креативность – попытка либо переоценить считавшиеся ранее негативными ценности, либо найти новое измерение социальной реальности, в котором государство доминирует [Larson, Shevchenko, 2010, p. 71–75]. Внешнеполитическая доктрина государства при этом необязательно должна полностью соответствовать исключительно одной стратегии: она может сочетать различные элементы мобильности, конкуренции и креативности или же подстраиваться под текущую обстановку, сложившуюся во взаимоотношениях с другими государствами.

Некоторые исследователи призывают с осторожностью относиться к использованию теории социальной идентичности в рамках анализа международных отношений, так как сама теория изначально объясняла значимые различия в средствах достижения статуса в рамках рассмотрения взаимоотношений в группе индивидов [Ward, 2015]. Государства же скорее можно считать социальными группами, если использовать терминологию теории. Из-за подобных разногласий понимание различий между мобильностью и конкуренцией оказывается проблематичным: и мобильность, и конкуренция являются единой стратегией по подражанию государствам с высоким статусом [Ward, 2015, p. 15]. Несмотря на то что последнее замечание заставляет задуматься о верности исходных предпосылок, теория социальной идентичности остается широко используемой рамкой анализа при рассмотрении категории статуса и стратегий его достижения.

Подведем промежуточный итог. Статус – это комплексная категория, отражающая сложность разнообразных отношений между

государствами, и одновременно это продукт социального конструирования реальности международных отношений. Изучение статусных позиций государства диктуется не только необходимостью расширения междисциплинарного подхода, но и актуальностью исследований стратегий отдельных государств по их достижению. Впрочем, надо принимать во внимание и серьезные методологические проблемы. Во-первых, сохраняется вопрос измерения уровня признания значимости акторов в системе международных отношений другими государствами. Далее мы предлагаем возможный ответ на него. Во-вторых, остается неразрешенным вопрос относительно того, что предопределяет успешность в достижении статусной позиции. Наконец, остается важной возможность соотнесения внутренних институциональных факторов и достигаемого статуса.

Операционализация статуса государства и базы данных

Понимание конструктивистской природы достигаемого статуса и его концептуализация с позиции признания другими государствами позволяют исследователям, занимающимся изучением проблем баланса сил и неравномерного распределения статусных позиций, отказаться от использования дополнительных категорий и подходить к операционализации с точки зрения получения комплексных оценок. Тем не менее отсутствие в современной политической науке единого подхода к их получению превращает попытку измерения статусного признания в амбициозную задачу.

Важным этапом на пути ее реализации представляется решение проблемы соотношения материальных и нематериальных факторов, определяющих статусную позицию государства. С одной стороны, сама природа концепта подразумевает рассмотрение исключительно тех компонентов, которые отражают уровень взаимодействия государства с другими акторами в системе. Статус, таким образом, выступает в качестве меры успешности подобного рода взаимодействий, отражающей нематериальные, но существенные принципы, лежащие в основе межгосударственных взаимоотношений. Однако подобный подход к операционализации не способен, на наш взгляд, отразить в полной мере достигнутые

статусные позиции. Наделение отдельных акторов значимыми характеристиками происходит не только при непосредственном взаимодействии, но также и в случае оценки государствами объективных достижений или неудач отдельных стран в тех сферах, значимость которых признается всеми участниками. Именно поэтому исключительно важным представляется рассмотрение статусной позиции как с точки зрения ее нематериальной, конструктивистской составляющей, так и с позиции объективно наличествующей и реально наблюдаемой характеристики.

В современной литературе одним из базовых показателей статусной позиции выступают наличие и плотность дипломатических связей с другими государствами. Традиционно авторы склонны считать, что чем большее количество прямых дипломатических контактов удалось установить государству, тем более важным его следует считать с точки зрения иерархии международных отношений [Kinne, 2014, р. 247; Renshon, 2017, р. 124]. Такой подход имеет под собой определенные основания, несмотря на то что некоторые исследователи подходят к возможности его использования в сравнительных исследованиях с осторожностью [Ward, How Not to Measure Status...]. Стремясь избежать присущих данной переменной недостатков и ориентируясь на использование современных методов в политических исследованиях, в рамках настоящей статьи под статусом государства с точки зрения установления дипломатических отношений мы предлагаем понимать значение меры центральности в построенной для каждого рассматриваемого года сети дипломатических контактов. При этом данная мера, опирающаяся на значение собственного вектора и оцениваемая по интервальной шкале от нуля до единицы, позволяет найти в системе международных отношений наиболее «центральных» участников в целом, сглаживая эффекты региональных союзов [Bonacich, Lloyd, 2001; Ruhnau, 2000]. Данные о наличии дипломатических контактов, послужившие основой для построения меры центральности, являются частью проекта Центра изучения международного будущего Университета Денвера [Moyer, Bohl, Turner].

Вторая нематериальная мера, свидетельствующая о достижении государством определенного статуса в системе международных отношений, представляет собой индикаторы его членства в международных организациях [Diplometrics...]. Данные позво-

ляют не только зафиксировать количество международных организаций, в которых государство состоит, но с учетом отдельного индикатора влияния этих организаций в мире (близкие к нулю значения показывают, что организация оказывается в мировом масштабе незначимой, тогда как с увеличением показателя значение организации растет) оценить реальный статус государства с точки зрения его представленности в важных межгосударственных институтах. Использование такой меры позволяет вновь рассматривать систему международных отношений как определенную сеть, где показатель членства в значимой международной организации улучшает статусную позицию государства. Для выполнения исследовательских задач был получен процентный индекс членства в международных организациях от максимальных значений в данный год, которых государство могло бы достичь, если бы являлось членом всех таких значимых объединений.

В качестве одного из ключевых показателей статусной позиции современного государства следует также рассматривать долю иностранных инвестиций в его экономику относительно общемировых значений. Мы предполагаем, что подобный индикатор служит надежным измерением доверия к государству со стороны других акторов системы. Подчеркнем, что в рамках данной статьи мы ориентируемся исключительно на показатели поступающих в страну инвестиций, не рассматривая чистые инвестиции, так как вложение финансовых средств в экономику других государств зачастую может быть продиктовано иными намерениями, чем простое улучшение собственного статуса в системе международных отношений [Copper, 2016].

Еще двумя важными индикаторами, считающимися традиционными при рассмотрении международного статуса государства, выступают показатели его членства в Совете Безопасности ООН (относительное количество накопленных лет) [Funairole, 2015, р. 367] и его ядерный статус. Невзирая на то что они незначительно варьируются во времени, а также оказываются скоррелированы друг с другом, их включение продиктовано необходимостью учета фундаментальных принципов, заложенных в систему современных международных отношений [Nasu, 2011; Thränert, 2015]. Оба показателя продолжают отражать средства, актуальные с точки зрения поддержания статуса и (или) борьбы за статус в мировой политике. Более того, в рамках исследования мы расширяем границы ко-

личественного измерения этих традиционных мер. Так, несмотря на то что число постоянных членов СБ ООН на протяжении длительного времени остается неизменным, установленные правила и принципы избрания непостоянных членов способствуют тому, что отдельные государства чаще других оказываются представлены в структуре, ответственной за поддержание мирового порядка. Это обстоятельство привело нас к идею получения относительного показателя, который измеряет количество накопленных государством лет (к максимальным значениям в данный год) и который, на наш взгляд, служит одним из нематериальных измерений статусной позиции государства. При этом наш подход к получению оценки ядерного статуса также не ограничивается традиционной бинарной переменной, фиксирующей наличие или отсутствие ядерного оружия у государства [Fuhrmann, Tkach, 2015]. Мы ориентируемся не только на сам факт получения государством распределяющихся материалов оружейного качества и их использования для изготовления ядерных зарядов, но также и на возможность государства более или менее надежно доставить ядерные заряды к потенциальным целям в условиях конфликта, что обеспечивается так называемой ядерной триадой и развитыми средствами раннего предупреждения. Таким образом, введение категориальной переменной, фиксирующей успехи государства по данному направлению, позволяет, на наш взгляд, учитывать уровень достижений всех государств – членов «ядерного клуба».

Наконец к объективным, материальным измерениям статуса государства мы также относим долю экспорта и военных расходов государства в сравнении с общемировыми показателями. «Долевой» подход позволяет рассматривать статус с точки зрения представленности государства в международной экономике. Экспортная доля является признанием мировым сообществом значимости государства как бизнес-партнера [Morrison, 2013] и, значит, может рассматриваться в терминах статуса с учетом предложенной концептуализации. Традиция рассмотрения показателей военной силы в качестве оценки статуса государства в определенных случаях может приводить к неверному пониманию статусной позиции. Однако доля военных расходов отражает ту степень, в которой государство опирается на военную силу при оценке значимости своих международных партнеров в мировой политике [Rhamey, Early, 2013, р. 252]. Подобные обоснования способствуют широкому

распространению использования данных переменных в сравнительных исследованиях, ориентированных как на поиск взаимосвязей статусных позиций с другими переменными, так и на выявление самой природы статуса в системе международных отношений [Kim, 2010, р. 406]. Показатели экспорта и военных расходов в рамках настоящего исследования были рассчитаны на основе данных, ежегодно предоставляемых Всемирным банком и Стокгольмским институтом исследований проблем мира [SIPRI Yearbook, 2018].

Методы

В предыдущем разделе мы описали семь основных переменных, которые, на наш взгляд, могут служить измерениями материальных и нематериальных составляющих статусной позиции государства. Между тем получение единой количественной оценки, использование которой стало бы отправной точкой для выявления рассматриваемой в рамках настоящего исследования связи, встречает существенные сложности, характерные в целом для всех рассматриваемых в научной литературе латентных переменных. Не будет преувеличением сказать, что в политической науке работа с подобными ненаблюдаемыми явлениями остается проблемой и по сей день, а подходы к ее решению даже в рамках одной предметной области могут различаться. Тем не менее в основе большинства таких попыток лежит анализ структуры полученных эмпирических данных, позволяющий задействовать соответствующие поставленным задачам многомерные методы. Важно при этом отметить, что сведение нескольких показателей к единому количественному индексу возможно лишь в тех случаях, когда результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии сильных и значимых зависимостей, чего не наблюдается при рассмотрении всех возможных пар показателей статуса (см. табл. 1).

Таблица 1

**Корреляционный анализ индикаторов статуса
(2015 г., 145 государств)¹**

	Дип. центр.	Чл. в межд. орг.	СБ ООН	Воен. расходы (% от мир. показ.)	Яд. статус	Экспорт (% от мир. показ.)	Ин. инвест. (% от мир. показ.)
Дип. центр.	1	.675***	.625***	.87***	.353***	.851***	.713***
Чл. в межд. орг.	.644***	1	.294*	.544***	.193*	.608***	.429***
СБ ООН	.557***	.322***	1	.623***	.311***	.573***	.491***
Воен. расходы (% от мир. показ.)	.365***	.179*	.634***	1	.377***	.906***	.671***
Яд. статус	.423***	.188*	.828***	.683***	1	.323***	.305***
Экспорт (% от мир. показ.)	.566***	.36***	.668***	.777***	.63***	1	.716***
Ин. инвест. (% от мир. показ.)	.391***	.26**	.528***	.844***	.55***	.777***	1

*** – Коэффициенты значимы на уровне 0,001; ** – коэффициенты значимы на уровне 0,01; * – коэффициенты значимы на уровне 0,05.

Получение данного результата стало основанием для обращения к методам, позволяющим учесть многомерную природу статусной позиции государства в системе международных отношений. В результате для проведения анализа в рамках настоящей статьи решено было воспользоваться подходом, использованным нами ранее в соавторстве с коллегами при проведении эмпирического исследования концепта государственной состоятельности [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 b]. В его основе лежала идея использования метода иерархической кластеризации, который не только позволяет работать с подобными явлениями, но и, что не менее важно, выделять отдельные устойчивые типы статусных позиций государства на основе их сходства по отобранным показателям [Cluster Analysis for Political Scientists, 2014]. Отметим, что использование данного подхода применительно к находящемуся в фокусе нашего внимания концепту (как, впрочем, и предложенная нами ранее операционализация) является одной из первых попыток комплексно подойти к эмпирическому анализу статуса государства в мировой политике в рамках сравнительного исследования.

¹ Ниже главной диагонали представлены коэффициенты корреляции Пирсона, выше – корреляции Спирмена.

Наш замысел состоял в получении устойчивых кластеров, которые бы отражали определенные результаты по достижению государствами статусных позиций. Так как сам метод иерархической кластеризации чувствителен к исходному набору данных [Gilpin, Qian, Davidson, 2013], предварительно мы прибегли к линейному масштабированию переменных для каждого рассматриваемого года (анализ показателей статуса и государственной состоятельности проводился по трем временными точкам: 1996, 2005 и 2015 гг.). В результате исходные данные были пересчитаны на интервал $[0; 1]$, где под единицей понималось максимальное значение индикатора среди всех стран в рассматриваемый год.

Еще одной особенностью метода является отсутствие строгого правила по определению оптимального разбиения на кластеры. В нашем исследовании мы ориентировались на разбиение от пяти до десяти кластеров, используя при этом различные методы агломерации (ближайшего, среднего и дальнего соседей, а также метод Варда) и евклидово расстояние в качестве метрической функции (в случае метода Варда – квадрат евклидовой метрики). Такой подход позволяет учесть как преимущества, так и недостатки каждой из использованных мер [Yim, Ramdeen, 2015]. Следует особенно отметить, что устойчивым мы считали такой результат, при котором страны образовывали стабильные кластеры в 24 возможных случаях в данный год (шесть вариантов разбиений на кластеры * четыре метода их агломерации), что служило проверкой на робастность получаемых кластеров. Наложение такого ограничения на результаты кластеризации и сам принцип, использованный для получения устойчивых структур, с нашей точки зрения (и с точки зрения нашего предыдущего опыта [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 b]), оправдан ввиду того, что в рамках исследования мы рассматриваем многомерный латентный конструкт, для которого получение качественного композитного индекса представляется трудноосуществимой, если и вовсе не выполнимой задачей. Иерархический кластерный анализ служит, таким образом, одним из немногих подходящих методов для работы с подобного рода данными, позволяя не только добиться реализации поставленных задач по получению эмпирических оценок особого типа, но и расширить наши представления о данном явлении через изучение реально наблюдаемых процессов. Кроме того, вновь подчеркнем, что в основе нашего исследования лежит представ-

ление о наличии связи между статусом и государственной состоятельностью, где вторая переменная также представляет собой многомерное явление, изучение которого стандартными статистическими методами, как было показано нами ранее [Ахременко, Горельский, Мельвиль, 2019 b], сопряжено с подчас непреодолимыми трудностями.

В следующем разделе мы обратимся к результатам эмпирического анализа связи двух данных переменных, представив полученное разбиение на кластеры и проиллюстрировав устойчивые структуры с помощью лепестковых диаграмм, признаваемых в последние годы одной из форм визуализации количественных данных, которая, в свою очередь, выступает в качестве неотъемлемого этапа эмпирической работы [Kaczynski, Wood, Harding, 2008; Zinoviev, 2011].

Некоторые результаты

Задача, которую мы ставили перед собой в данном исследовании, заключалась в реализации практических шагов по выявлению связи между статусом государства в мировой политике и его внутренними ресурсами, понимаемыми в данном случае под государственной состоятельностью. Мы предприняли попытку нахождения связи через обращение к пересечениям кластеров государств, полученных как для одного, так и для другого набора переменных. Иными словами, в рамках эмпирической части исследования мы объединили результаты проведенного иерархического кластерного анализа таким образом, чтобы получить группы связанных друг с другом государств с точки зрения двух рассматриваемых латентных конструктов. Использованный подход позволяет, по нашему мнению, учесть специфику находящихся в фокусе внимания явлений и подойти к их изучению комплексно, с учетом структуры данных.

Для начала отметим, что полученные пересечения устойчивых кластеров для трех временных точек (1996, 2005 и 2015) по двум наборам данных (переменным государственной состоятельности и статуса соответственно) и с учетом строгих ограничений на их устойчивость показали, что около двух третей государств состоят в определенных группах, тогда как оставшаяся треть стран

формирует собственные кластеры, не объединяясь с другими государствами. Однако среди последних нередки случаи, когда государства входят в небольшие объединения с точки зрения государственной состоятельности и составляют свой, особый кластер с точки зрения статуса в международных отношениях (Китай, Россия, Германия, Израиль, Япония в разные годы). Экстремальным примером являются США, которые формируют собственный устойчивый кластер в обоих случаях, обладая наиболее выдающимся среди всех остальных государств статусом в мировой политике и уникальным типом государственной состоятельности.

Таблица 2

Пересечения кластеров государств по показателям статуса и государственной состоятельности (топ-5 по размеру кластера)

<i>1996 год</i>	<i>2005 год</i>	<i>2015 год</i>
Бенин, Гамбия, Гайана, Казахстан, Мали, Молдавия, Республика Конго, Того, Уганда	Венгрия, Греция, Кувейт, Малайзия, Польша, Португалия, Саудовская Аравия, Чехия, Южная Корея	Бенин, Бурунди, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Камерун, Коморские о-ва, Мали, Никарагуа, Папуа – Новая Гвинея, Танзания, Того, Уганда, Чад, Эритрея
Австрия, Дания, Канада, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция	Австралия, Дания, Канада, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция	Бутан, Буркина-Фасо, Камбоджа, Маврикий, Малави, Мозамбик, Молдавия, Непал, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Фиджи
Боливия, Зимбабве, Парагвай, Сенегал, Украина, Эквадор	Гвинея, Замбия, Кыргызстан, Мали, Никарагуа, Парагвай, Уганда	Болгария, Венгрия, Греция, Малайзия, Марокко, Португалия, Румыния, Словакия, Чехия
Багамские о-ва, Латвия, Литва, Тринидад и Тобаго, Эстония	Гамбия, Гвинея-Бисау, ДРК, ЦАР, Чад	Ангола, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Перу, Тунис, Эквадор
Гвинея-Бисау, Коморские о-ва, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея	Египет, Индонезия, Марокко, Румыния	Гайана, Доминиканская Республика, Замбия, Монголия, Парагвай, Суринам

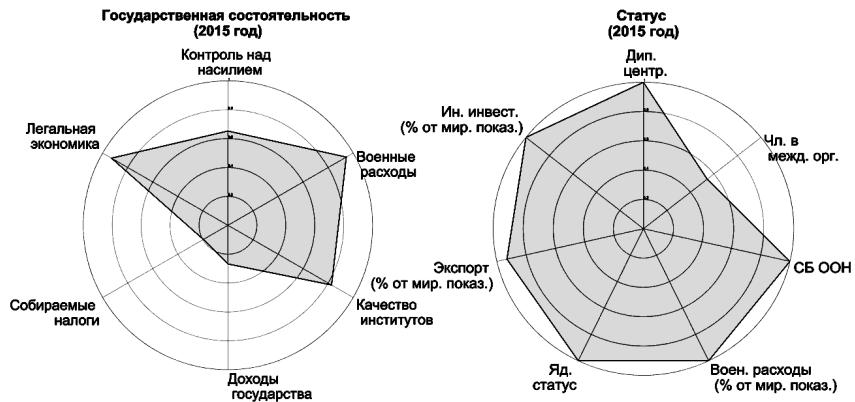

Рис. 1.

Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике: США (2015)

Наличие подобных примеров демонстрирует, что логика приобретения международного статуса может быть связана не только с рассматриваемыми в данной работе факторами. Однако сложно игнорировать тот факт, что число устойчивых пересечений кластеров, содержащих более одного участника, в масштабах исходной выборки значительно. Это замечание служит, с нашей точки зрения, неявным доказательством того, что страны, достигающие определенного уровня внутреннего развития, на международной арене добиваются приобретения сходных статусных позиций. Нашей задачей в дальнейшем является иллюстрация данного тезиса на примере отдельных кейсов, отражающих его справедливость.

Рассмотрим еще один кейс, образующий единичный кластер в результате объединения результатов. В фокусе нашего внимания Россия и ее показатели во временной динамике (рис. 2). Как видно из представленных диаграмм, за период с 1996 по 2015 г. Россия смогла как относительно улучшить свое положение в мировой политике, так и добиться повышения эффективности с точки зрения государственной состоятельности.

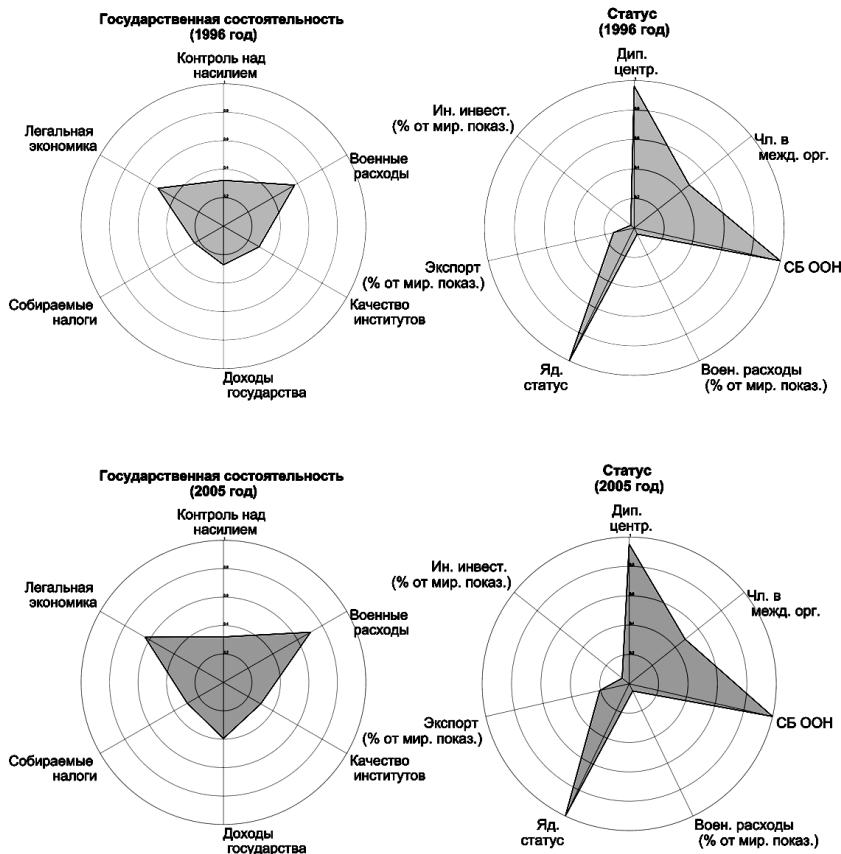

Рис. 2.

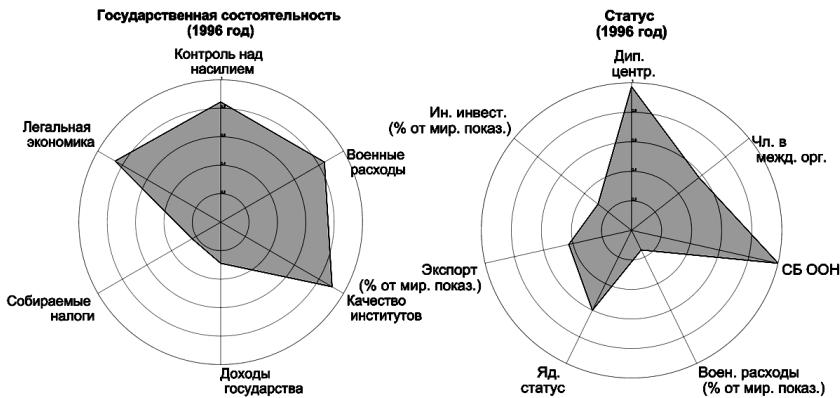
**Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике:
Россия (1996 / 2005 / 2015)**

Не в последнюю очередь второй результат достигался за счет совершенствования военно-принуждающей состоятельности, а также повышения качества административно-бюрократического контроля¹. Некоторое улучшение статусной позиции происходило

¹ Логика выделения трех основных компонентов государственной состоятельности, их концептуализация и привлекаемые для операционализации пере-

в основном благодаря росту показателей инвестиций, экспорта и военных расходов в сравнении с общемировыми значениями. В данном контексте в качестве дополнительного аргумента в пользу возможной истинности наших базовых предпосылок подчеркнем, что традиционно исследователи фиксируют наличие положительной взаимосвязи между уровнем институционального развития, с одной стороны, и ростом экспорта и привлеченных иностранных инвестиций – с другой [LiPuma, 2013; Peres, 2018]. Несмотря на то что природа подобных изменений в случае России может отличаться от рассматриваемых в научной литературе соответствующих аргументов, нельзя не отметить параллельных положительных изменений, происходящих как с государственной состоятельностью, так и со статусом, вписывающихся в подобного рода объяснения.

Переходя к анализу объединений стран, отметим два показательных примера. Первый – объединившиеся в одну группу Великобритания и Франция, занимающие схожие статусные позиции и похожие друг на друга с точки зрения достигнутого уровня государственной состоятельности (рис. 3). Обе диаграммы отражают устойчивое положение как внутри (даже несмотря на относительно недостаточную в сравнении с «идеалом» экстрактивную способность), так и снаружи, что не противоречит нашим интуитивным предположениям о роли и развитии этих государств. Совершенно противоположная ситуация наблюдается при рассмотрении стран-аутсайдеров, в особенности тех, кого можно условно отнести к находящимся на грани провала по контролю насилия (и не только) на собственной территории. Среди них мы решили особенно выделить Гондурас и Сальвадор (рис. 4). Для них соответствующие показатели статуса сужаются до фигуры, которая фиксирует только то обстоятельство, что эти государства признаются мировым сообществом, и отражает их неспособность добиться иных форм статусного признания. Самым очевидным объяснением такого их положения в системе международных отношений нам видится то, что, не будучи собственно государствами (в сравнении с другими) внутри, они не претендуют (и, что важно, не могут претендовать!) на приобретение хотя бы сколько-нибудь значимых статусных позиций.

Гондурас и Сальвадор (2005)

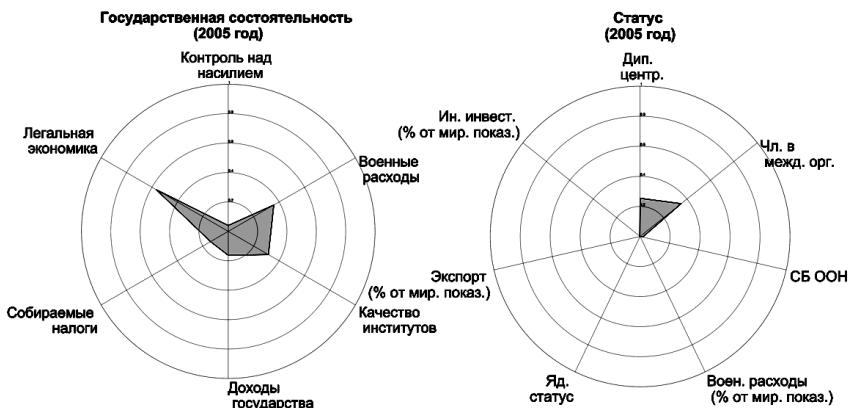

Рис. 3–4.
Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике (средние по объединению):
Великобритания и Франция (1996)

Отдельно обратим внимание на относительно устойчивое во времени объединение стран, куда вошли Канада, Швейцария, Швеция, Дания, Норвегия и Финляндия. Средние значения по рассматриваемым индикаторам фиксируют в этих государствах как эффективное внутреннее институциональное развитие (схожее с показателями Великобритании и Франции), так и относительно стабильное (пусть и довольно скромное) статусное положение на международной арене, прежде всего за счет показателей центральности в сети дипломатических контактов, членства в международных организациях, числа привлекаемых инвестиций и доли экспорта в сравнении с общемировыми показателями (рис. 5). Можно предположить, что успех по двум последним направлениям не в последнюю очередь связан со способностью официальных властей успешно управлять находящейся под их контролем территорией.

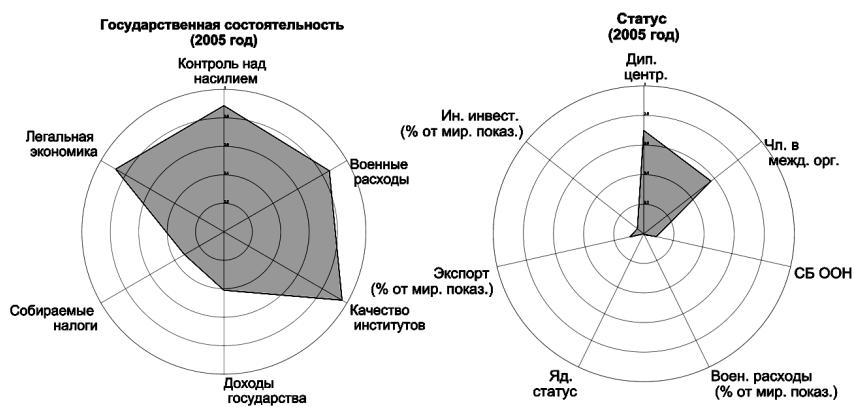

Рис. 5.
Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике (средние по объединению): Дания, Канада, Норвегия, Финляндия, Швейцария и Швеция (2005)

Еще одной иллюстрацией справедливости данного тезиса является сравнение площадей фигур государственной состоятельности и статуса для бывших посткоммунистических стран Восточной Европы: Венгрии, Польши и Чехии, которые образуют устойчивые объединения в 1996 и 2005 гг. (рис. 6). Заметим, что за данный период этим государствам удалось добиться прогресса с точки зрения административной и принудительной состоятельности. Одновременно они смогли улучшить свои статусные позиции, в основном за счет членства в международных организациях (так, например, в 2004 г. они стали членами Европейского союза), улучшения показателей привлечения прямых иностранных инвестиций и роста доли экспорта. Такие результаты оказываются в целом сопоставимы (хотя все же и скромнее) с аналогичными для объединения Канады, Швейцарии, Финляндии и ряда Скандинавских государств. Данный пример вновь демонстрирует сходную динамику в изменении показателей, что позволяет нам в очередной раз отметить справедливость выдвинутой нами ранее гипотезы, находящей, как ясно из представленных графиков, свое подтверждение на реальных данных.

Наконец, возвращаясь к рассмотрению стран-кластеров, наиболее удачной демонстрацией наличия связи между статусом в мировой политике и государственной состоятельностью служит, по нашему мнению, динамика изменений показателей Китая в период с 1996 по 2015 г. (рис. 7).

Несмотря на относительно слабые успехи в деле улучшения качества институтов, видимые изменения по комплексу других показателей подчеркивают значимость пути, пройденного Китаем за последние 20 лет с точки зрения как улучшения эффективности государственного управления, так и государственной состоятельности в целом. Аналогично на протяжении данного периода наблюдается комплексное улучшение статусной позиции Китая в мире. Одновременная положительная динамика заставляет вновь (в данном случае с еще большей уверенностью) предполагать, что успехи во внутреннем развитии находят свое отражение сначала в области внешней политики, а затем и в коллективном признании со стороны других акторов системы международных отношений.

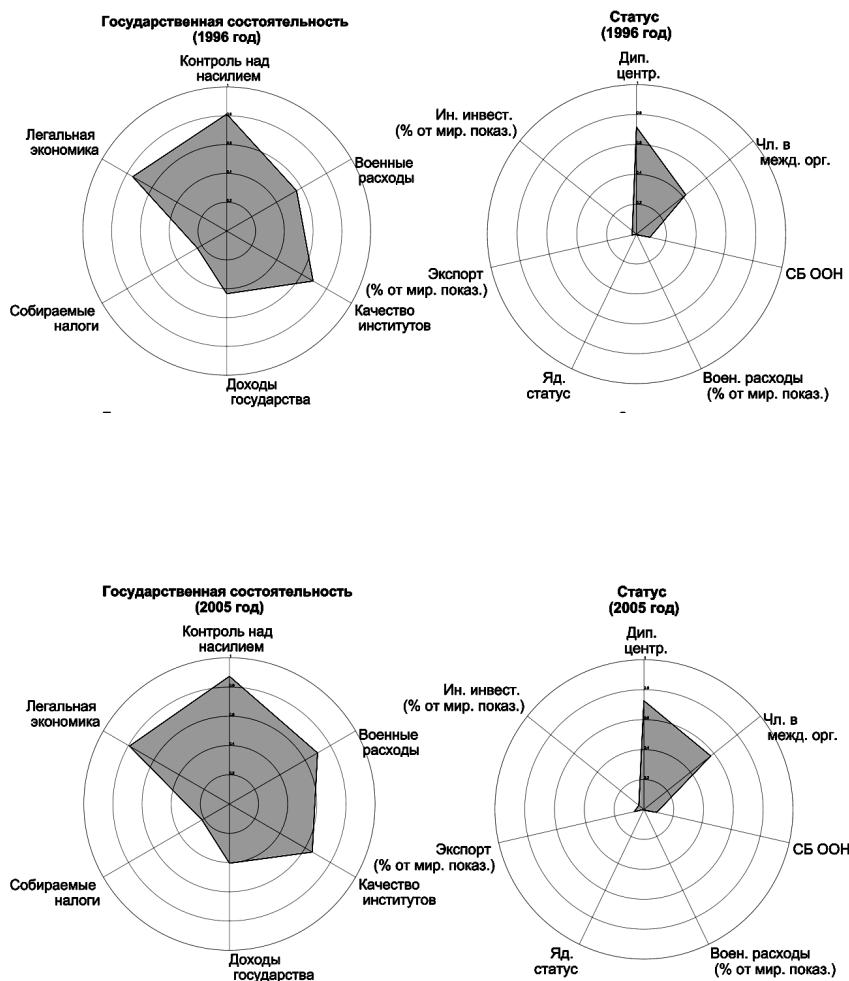

Рис. 6.
**Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике (средние по объединению):
 Венгрия, Польша и Чехия (1996 / 2005)**

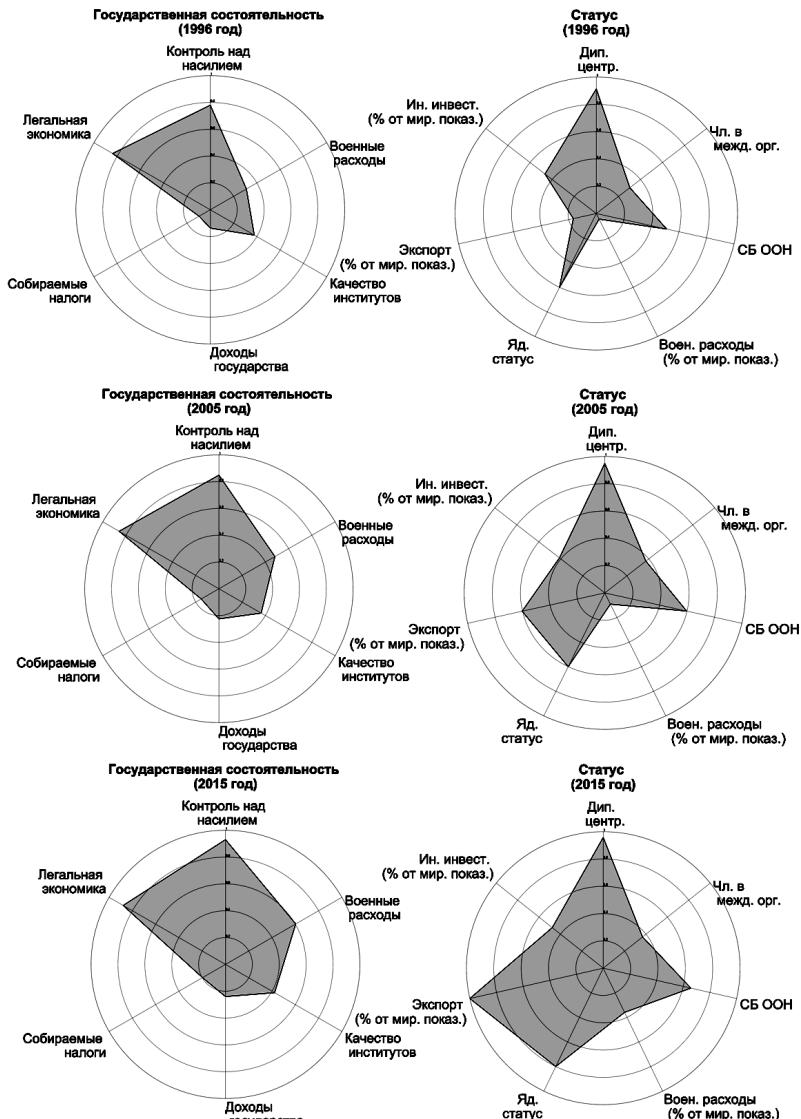

Рис. 7.

Лепестковые диаграммы индикаторов государственной состоятельности и статуса государства в мировой политике: Китай (1996 / 2005 / 2015)

Заключение

В данной статье мы поставили перед собой цель комплексно подойти к рассмотрению статуса государства в мировой политике, решая задачу выявления связи между данной категорией и категорией государственной состоятельности. Результатом нашей работы стали: 1) проведенная концептуализация понятия «статус» с позиции конструктивизма и теории социальной идентичности; 2) одна из первых попыток операционализации данного латентного конструкта через привлечение семи переменных (показателей военных расходов, экспорта и прямых иностранных инвестиций от общемировых значений, состояния ядерного потенциала и накопленных лет членства в Совете Безопасности ООН, а также меры центральности в сети дипломатических контактов и членства в международных организациях), отражающих как материальные, так и нематериальные составляющие статусной позиции; 3) проведенный иерархический кластерный анализ, позволивший выделить остающиеся устойчивыми при настройке параметров кластеры государств по показателям статуса и государственной состоятельности; 4) полученные объединения стран по кластерам, рассмотренным на предыдущем шаге, и их интерпретация, в том числе при помощи обращения к особым средствам визуализации (лепестковым диаграммам). На основе анализа показателей статуса и государственной состоятельности подобных объединений мы пришли к выводу, что между двумя данными латентными конструктами наблюдается положительная связь, которая фиксируется в том числе и во временной динамике.

Подчеркнем, что в эмпирической части исследования нами были продемонстрированы лишь показавшиеся нам наиболее интересными объединения государств и опущены такие соседства, как: а) Латвия, Литва и Эстония; б) Новая Зеландия и Сингапур; в) Азербайджан, Беларусь и Казахстан (вместе с Анголой, Перу, Тунисом и Эквадором); г) Катар и Оман. Безусловно, взыскательный читатель может не согласиться с нами в том, что рассмотренные в рамках настоящего исследования примеры являются последовательным доказательством гипотезы о наличии взаимосвязи между государственной состоятельностью и достигаемыми статусными позициями, признав полученный результат лишь совпадением, которое нам с той или иной степенью успешности удалось

здесь осветить. Позволим себе в таком случае дать заочный ответ критикам, отметив, во-первых, ту строгость, с которой мы подошли к имеющимся эмпирическим данным и к настройке методов, а во-вторых, тот факт, что, не претендуя на проведение глубинного количественного исследования с использованием современных статистических методов, мы получили довольно реалистичные (и в некотором смысле даже симпатичные) результаты, которые не противоречат исследовательской интуиции. Строгое формальное доказательство с привлечением более совершенных методов анализа данных представляется нам следующим шагом на пути разработки затронутой в данной статье проблемы, которое неизбежно потребует от нас решения методологических сложностей, упомянутых в эмпирической части исследования. Кроме того, мы планируем расширить как временные, так и концептуальные границы исследования, уделив более пристальное внимание динамике изменений и обоснованию включения отдельных индикаторов в анализ статусных позиций государств, в том числе сделав акцент на соблюдении баланса между материальными и нематериальными измерениями статуса. Отдельный интерес для нас представляет также разработка проблематики выбора стратегии изменения статусной позиции и проверка гипотезы о взаимосвязи данного выбора с получаемым впоследствии результатом. Иными словами, мы находимся в начале пути, который, по всей видимости, обещает быть непростым, но от этого еще более интересным.

Список литературы

- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность различных стран мира? Теоретико-методологические основания // Полис. Политические исследования. – М., 2019 а. – № 2. – С. 8–23.
- Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность различных стран мира? Опыт эмпирического исследования // Полис. Политические исследования. – М., 2019 б. – № 3 – С. 49–68.
- Akinola M., Mendes W.B. It's Good to Be the King: Neurobiological Benefits of Higher Social Standing // Social Psychological and Personality Science. – L., 2014. – Vol. 5, N 1. – P. 43–51.
- Anderson C., Kilduff G.J. The Pursuit of Status in Social Groups // Current Directions in Psychological Science. – L., 2009. – Vol. 18, N 5. – P. 295–298.
- Art R.J. To What Ends Military Power? // International Security. – Cambridge, 1980. – Vol. 4, N 4. – P. 3–35.

- Ball S.B., Eckel C.C.* Buying Status: Experimental Evidence on Status in Negotiation // *Psychology and Marketing.* – 1996. – Vol. 13, N 4. – P. 381–405.
- Bonacich P., Lloyd P.* Eigenvector-like Measures of Centrality for Asymmetric Relations // *Social Networks.* – L., 2001. – Vol. 23, N 3. – P. 191–201.
- Cluster Analysis for Political Scientists / D.B.F. Filho, E.C. Rocha, J.A. Silva, R. Paranhos, M.B. Silva, B.S.F. Duarte // *Applied Mathematics.* – Amsterdam, 2014. – Vol. 5, N 15. – P. 2408–2415.
- Congleton R.D.* Efficient Status Seeking: Externalities, and the Evolution of Status Games // *Journal of Economic Behavior & Organization.* – Amsterdam, 1989. – Vol. 11, N 2. – P. 175–190.
- Copper J.F.* China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. – Basingstoke, Hampshire; N.Y., NY: Palgrave Macmillan, 2016. – Vol. 2: History and Practice in Asia, 1950–Present. – 275 p.
- Diplometrics: Intergovernmental Organizations / J.D. Moyer, D.K. Bohl, J. McPhee, S. Turner // Frederick S. Pardee Center for International Futures. – Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019).
- Fast N.J., Halevy N., Galinsky A.D.* The Destructive Nature of Power without Status // *Journal of Experimental Social Psychology.* – Amsterdam, 2012. – Vol. 48, N 1. – P. 391–394.
- Fuhrmann M., Tkach B.* Almost Nuclear: Introducing the Nuclear Latency Dataset // *Conflict Management and Peace Science.* – L., 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 443–461.
- Funaike M.P.* Conceptualizing Japan's Foreign Policy Trajectory Through Social Identity Theory // *East Asia.* – N.Y., 2015. – Vol. 32, N 4. – P. 361–383.
- Gilpin S., Qian B., Davidson I.* Efficient Hierarchical Clustering of Large High Dimensional Datasets // *Proceedings of the 22 nd ACM international conference on Information & Knowledge Management.* – ACM, 2013. – P. 1371–1380.
- Harsanyi J.C.* Essays on Ethics, Social Behaviour, and Scientific Explanation. – Dordrecht, Holland; Boston: D. Reidel Pub. Co., 1976. – 262 p.
- Kaczynski D., Wood L., Harding A.* Using Radar Charts with Qualitative Evaluation: Techniques to Assess Change in Blended Learning // *Active Learning in Higher Education.* – L., 2008. – Vol. 9, N 1. – P. 23–41.
- Kelley C.P., Lucas J., Lovaglia M.* Power and Status: The Building Blocks of Effective Leadership // *The Journal of Character and Leadership Integration.* – L., 2017. – Vol. 4, N 1. – P. 55–63.
- Kim H.M.* Comparing Measures of National Power // *International Political Science Review.* – Cambridge, 2010. – Vol. 31, N 4. – P. 405–427.
- Kinne B.J.* Dependent Diplomacy: Signaling, Strategy, and Prestige in the Diplomatic Network // *International Studies Quarterly.* – Oxford, 2014. – Vol. 58, N 2. – P. 247–259.
- Lake D.A.* Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics // *International Security.* – Cambridge, 2007. – Vol. 32, N 1. – P. 47–79.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy // *International Security.* – Cambridge, 2010. – Vol. 34, N 4. – P. 63–95.

- Larson D.W., Wohlforth W.C.* Status and World Order // *Status in World Politics* / T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth (eds.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – P. 3–29.
- Lim Y.H.* How (dis)satisfied is China? A Power Transition Theory Perspective // *Journal of Contemporary China*. – L., 2015. – Vol. 24, N 92. – P. 280–297.
- LiPuma J.A., Newbert S.L., Doh J.P.* The Effect of Institutional Quality on Firm Export Performance in Emerging Economies: A Contingency Model of Firm Age and Size // *Small Business Economics*. – Amsterdam, 2013. – Vol. 40, N 4. – P. 817–841.
- Magee J.C., Galinsky A.D.* Social Hierarchy: The Self-Reinforcing Nature of Power and Status // *Academy of Management Annals*. – L., 2008. – Vol. 2, N 1. – P. 351–398.
- Milner H.* The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique // *Review of International Studies*. – Cambridge, 1991. – Vol. 17, N 1. – P. 67–85.
- Morrison W.M.* China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States // *Current Politics and Economics of Northern and Western Asia*. – N.Y., 2013. – Vol. 22, N 4. – P. 461–506.
- Moyer J.D., Bohl D.K., Turner S.* Diplometrics: Diplomatic Representation // Frederick S. Pardee Center for International Futures. – Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019).
- Nasu H.* The UN Security Council's Responsibility and the «Responsibility to Protect» // *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. – N.Y., 2011. – Vol. 15, N 1. – P. 377–418.
- Network Centrality and International Conflict: Does it Pay to Be Important? / Z. Maoz, L. Terris, R. Kuperman, I. Talmud // *Applications of Social Networks Analysis* / Ed. by Thomas N. Friemel. – Konstanz (Germany): Universität Verlag Konstanz, 2007. – P. 121–151.
- Peres M., Ameer W., Xu H.* The Impact of Institutional Quality on Foreign Direct Investment Inflows: Evidence for Developed and Developing Countries // *Economic research-Ekonomska istraživanja*. – L., 2018. – Vol. 31, N 1. – P. 626–644.
- Pettit N.C., Sivanathan N.* The Eyes and Ears of Status: How Status Colors Perceptual Judgment // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – L., 2012. – Vol. 38, N 5. – P. 570–582.
- Rauch C.* Adjusting Power Transition Theory-Satisfaction with the Status Quo, International Power Constellations, and the Case of the Weimar Republic // *Geopolitics, History and International Relations*. – Thousand Oaks, CA, 2016. – Vol. 8, N 2. – P. 127–158.
- Rauch C., Wurm I.* Making the World Safe for Power Transition – Towards a Conceptual Combination of Power Transition Theory and Hegemony Theory // *Journal of Global Faultlines*. – L., 2013. – Vol. 1, N 1. – P. 50–69.
- Rege M.* Why do People Care about Social Status? // *Journal of Economic Behavior and Organization*. – Amsterdam, 2008. – Vol. 66, N 2. – P. 233–242.
- Renshon J.* Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. – Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 2017. – 328 p.
- Renshon J.* Status Deficits and War // *International Organization*. – Cambridge, 2016. – Vol. 70, N 3. – P. 513–550.
- Rhamey Jr.J.P., Early B.R.* Going for the Gold: Status-seeking Behavior and Olympic Performance // *International Area Studies Review*. – L., 2013. – Vol. 16, N 3. – P. 244–261.

- Ridgeway C.L., Correll S.J.* Consensus and the Creation of Status Beliefs // Social Forces. – Oxford, 2006. – Vol. 85, N 1. – P. 431–453.
- Ruhnau B.* Eigenvector-centrality – A Node-centrality? // Social Networks. – Amsterdam, 2000. – Vol. 22, N 4. – P. 357–365.
- Sapolsky R.M.* Social Status and Health in Humans and Other Animals // Annual Review of Anthropology. – Palo Alto, 2004. – Vol. 33. – P. 393–418.
- SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security. – Oxford: Oxford univ. press, 2018. – 584 p.
- Smith P.K., Magee J.C.* The Interpersonal Nature of Power and Status // Current Opinion in Behavioral Sciences. – Amsterdam, 2015. – Vol. 3. – P. 152–156.
- Status, Power, and Intergroup Relations: The Personal is the Societal / S.T. Fiske, C.H. Dupree, G. Nicolas, J.K. Swencionis // Current Opinion in Psychology. – Amsterdam, 2016. – Vol. 11. – P. 44–48.
- Tajfel H.* Social Psychology of Intergroup Relations // Annual Review of Psychology. – Palo Alto, 1982. – Vol. 33, N 1. – P. 1–39.
- Thränert O.* The Nuclear Weapons Comeback // Policy Perspectives. – L., 2015. – Vol. 3, N 1. – P. 1–4.
- Utevsky A.V., Platt M.L.* Status and the Brain // PLoS biology. – N.Y., 2014. – Vol. 12, N 9. – P. 1–4.
- Waltz K.N.* The Anarchic Structure of World Politics // International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues / R.J. Art, R. Jervis (eds.). – Boston: Pearson, 2017. – P. 48–68.
- Ward S.* How Not to Measure Status: Diplomatic Exchange and the Problem of Operationalizing Standing in World Politics. – 44 p. – Mode of access: <https://stevenmward.files.wordpress.com/2014/10/hownottomeasurestatus.pdf> (accessed: 23.05.2019.)
- Ward S.* Lost in Translation: The Misadventures of Social Identity and Status in IR Theory. Unpublished manuscript. – Ithaca, NY: Cornell University, 2015. – 42 p.
- Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / G. Roth, C. Wittich (eds.). – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p.
- Wendt A.* Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – Oxford, 1992. – Vol. 46, N 2. – P. 391–425.
- Yim O., Ramdeen K.T.* Hierarchical Cluster Analysis: Comparison of Three Linkage Measures and Application to Psychological Data // The Quantitative Methods for Psychology. – Ottawa, 2015. – Vol. 11, N 1. – P. 8–21.
- Zinoviev A. Data Visualization // International Encyclopedia of Political Science / B. Badie, D. Berg-Schlosser, L.A. Morlino (eds.). – L.: SAGE, 2011. – P. 537–545.

I.E. Gorelskiy, M.G. Mironyuk*

Climbing up the status ladder:

**An experiment in empirical research of relation between status
of a state in the system of international relations and state capacity**

Abstract. In the article, authors undertake an empirical study of the status of a state in the system of international relations and set themselves the task of studying the relation of this category with the category of state capacity. Within the framework of the study, it is proposed to understand the status position as the recognition of a given state's importance (significance, influence, etc.) by the international system and other states. Based on this definition, the authors show that the status of a state (similar to the status of an individual in a community) is a product of construction by the others. It is noted that the status, which is recognized for a given state or for which the state is aspiring, is supported by material and non-material foundations and (or) resources, which at a particular point in time are considered by the international community as essential constituent elements of «power» («might», «strength») of a state. In the academic literature «governance» is listed among these factors (or «assets»). Authors rely on the conceptualization and operationalization of «state capacity» proposed by A. Melville, A. Akhremenko and I. Gorelskiy, as they find it very close in meaning to «governance» as an «asset». In the empirical part, authors offer an original operationalization of «status», bringing together a set of indicators which reflects both its material and non-material components. Based on a hierarchical cluster analysis of the status's and state capacity's indicators with fine-tuning control of parameters, robust groups of countries were obtained and their intersection was found in terms of the variables under consideration. As a result, the authors, having studied such groups referring to radar charts which serve as a special form of visualization of multidimensional data, conclude that between the two latent constructs – status in international relations and state capacity – there is a positive relationship, which is also fixed in the time dynamics.

Keywords: state; status; international relations; hierarchy; state capacity; hierarchical clustering; radar charts.

For citation: Gorelskiy I.E., Mironyuk M.G. Climbing the Status Ladder: An Experiment in Empirical Research of Relation between Status of a State in the System of International Relations and State Capacity. *Political science (RU)*. 2019, N 3, P. 140–174. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.06>

* **Gorelskiy Ilya**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: iegorelskiy@edu.hse.ru; **Mironyuk Mikhail**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: mmironyuk@hse.ru

References

- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? Theoretical and Methodological Foundations. *Polis. Political Studies*. 2019 a, N 2, P. 8–23. (In Russ.).
- Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A. Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis. Political Studies*. 2019 b, N 3. (In Russ.).
- Akinola M., Mendes W.B. It's Good to Be the King: Neurobiological Benefits of Higher Social Standing. *Social Psychological and Personality Science*. 2014, Vol. 5, N 1, P. 43–51.
- Anderson C., Kilduff G.J. The Pursuit of Status in Social Groups. *Current Directions in Psychological Science*. 2009, Vol. 18, N 5, P. 295–298.
- Art R.J. To What Ends Military Power? *International Security*. 1980, Vol. 4, N 4, P. 3–35.
- Ball S.B., Eckel C.C. Buying Status: Experimental Evidence on Status in Negotiation. *Psychology and Marketing*. 1996, Vol. 13, N 4, P. 381–405.
- Bonacich P., Lloyd P. Eigenvector-like Measures of Centrality for Asymmetric Relations. *Social Networks*. 2001, Vol. 23, N 3, P. 191–201.
- Congleton R.D. Efficient Status Seeking: Externalities, and the Evolution of Status Games. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1989, Vol. 11, N 2, P. 175–190.
- Copper J.F. *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy, Vol. II: History and Practice in Asia, 1950–Present*. Hounds mills, Basingstoke, Hampshire; N.Y., NY: Palgrave Macmillan, 2016, 275 p.
- Fast N.J., Halevy N., Galinsky A.D. The Destructive Nature of Power without Status. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012, Vol. 48, N 1, P. 391–394.
- Filho D.B.F. et al. Cluster Analysis for Political Scientists. *Applied Mathematics*. 2014, Vol. 5, N 15, P. 2408–2415.
- Fiske S.T. et al. Status, Power, and Intergroup Relations: The Personal is the Societal. *Current Opinion in Psychology*. 2016, Vol. 11, P. 44–48.
- Fuhrmann M., Tkach B. Almost Nuclear: Introducing the Nuclear Latency Dataset. *Conflict Management and Peace Science*. 2015, Vol. 32, N 4, P. 443–461.
- Funaike M.P. Conceptualizing Japan's Foreign Policy Trajectory Through Social Identity Theory. *East Asia*. 2015, Vol. 32, N 4, P. 361–383.
- Gilpin S., Qian B., Davidson I. Efficient Hierarchical Clustering of Large High Dimensional Datasets. In: *Proceedings of the 22 nd ACM international conference on Information & Knowledge Management*. ACM, 2013, P. 1371–1380.
- Harsanyi J.C. *Essays on Ethics, Social Behaviour, and Scientific Explanation*. Dordrecht, Holland; Boston: D. Reidel Pub. Co., 1976, 262 p.
- Kaczynski D., Wood L., Harding A. Using Radar Charts with Qualitative Evaluation: Techniques to Assess Change in Blended Learning. *Active Learning in Higher Education*. 2008, Vol. 9, N 1, P. 23–41.
- Kelley C.P., Lucas J., Lovaglia M. Power and Status: The Building Blocks of Effective Leadership. *The Journal of Character and Leadership Integration*. 2017, Vol. 4, N 1, P. 55–63.

- Kim H.M. Comparing Measures of National Power. *International Political Science Review*. 2010, Vol. 31, N 4, P. 405–427.
- Kinne B.J. Dependent Diplomacy: Signaling, Strategy, and Prestige in the Diplomatic Network. *International Studies Quarterly*. 2014, Vol. 58, N 2, P. 247–259.
- Lake D.A. Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics. *International Security*. 2007, Vol. 32, N 1, P. 47–79.
- Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy. *International Security*. 2010, Vol. 34, N 4, P. 63–95.
- Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and World Order. In: *Status in World Politics*. Ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. P. 3–29.
- Lim Y.H. How (dis)satisfied is China? A Power Transition Theory Perspective. *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24, N 92, P. 280–297.
- LiPuma J.A., Newbert S.L., Doh J.P. The Effect of Institutional Quality on Firm Export Performance in Emerging Economies: A Contingency Model of Firm Age and Size. *Small Business Economics*. 2013, Vol. 40, N 4, P. 817–841.
- Magee J.C., Galinsky A.D. Social Hierarchy: The Self-Reinforcing Nature of Power and Status. *Academy of Management Annals*. 2008, Vol. 2, N 1, P. 351–398.
- Network Centrality and International Conflict: Does it Pay to Be Important? Ed. by Z. Maoz, L. Terris, R. Kuperman, I. Talmud. In: *Applications of Social Networks Analysis*. Ed. by Thomas N. Friemel. Konstanz (Germany): Universität Verlag Konstanz, 2007, P. 121–151.
- Milner H. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: A Critique. *Review of International Studies*. 1991, Vol. 17, N 1, P. 67–85.
- Morrison W.M. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States. *Current Politics and Economics of Northern and Western Asia*. 2013, Vol. 22, N 4, P. 461–506.
- Moyer, J.D., Bohl, D.K., Turner, S. Diplometrics: Diplomatic Representation. *Frederick S Pardee Center for International Futures*. Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019.)
- Diplometrics: Intergovernmental Organizations. Ed. by J.D. Moyer, D.K. Bohl, J. McPhee, S. Turner. *Frederick S. Pardee Center for International Futures*. Mode of access: <http://pardee.du.edu/diplometrics> (accessed: 11.05.2019.)
- Nasu H. The UN Security Council's Responsibility and the «Responsibility to Protect». *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online*. 2011, Vol. 15, N 1, P. 377–418.
- Peres M., Ameer W., Xu H. The Impact of Institutional Quality on Foreign Direct Investment Inflows: Evidence for Developed and Developing Countries. *Economic research-Ekonomska istraživanja*. 2018, Vol. 31, N 1, P. 626–644.
- Pettit N.C., Sivanathan N. The Eyes and Ears of Status: How Status Colors Perceptual Judgment. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012, Vol. 38, N 5, P. 570–582.
- Rauch C., Wurm I. Making the World Safe for Power Transition – Towards a Conceptual Combination of Power Transition Theory and Hegemony Theory. *Journal of Global Faultlines*. 2013, Vol. 1, N 1, P. 50–69.
- Rauch C. Adjusting Power Transition Theory-Satisfaction with the Status Quo, International Power Constellations, and the Case of the Weimar Republic. *Geopolitics, History and International Relations*. 2016, Vol. 8, N 2, P. 127–158.

- Rege M. Why do People Care about Social Status? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2008, Vol. 66, N 2, P. 233–242.
- Renshon J. Status Deficits and War. *International Organization*. 2016, Vol. 70, N 3, P. 513–550.
- Renshon J. *Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 2017, 328 p.
- Rhamey Jr. J.P., Early B.R. Going for the Gold: Status-seeking Behavior and Olympic Performance. *International Area Studies Review*. 2013, Vol. 16, N 3, P. 244–261.
- Ridgeway C.L., Correll S.J. Consensus and the Creation of Status Beliefs. *Social Forces*. 2006, Vol. 85, N 1, P. 431–453.
- Ruhnau B. Eigenvector-centrality – A Node-centrality? *Social Networks*. 2000, Vol. 22, N 4, P. 357–365.
- Sapolsky R.M. Social Status and Health in Humans and Other Animals. *Annual Review of Anthropology*. 2004, Vol. 33, P. 393–418.
- SIPRI Yearbook 2018: *Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford: Oxford univ. press, 2018, 584 p.
- Smith P.K., Magee J.C. The Interpersonal Nature of Power and Status. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2015, Vol. 3, P. 152–156.
- Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*. 1982, Vol. 33, N 1, P. 1–39.
- Thränert O. The Nuclear Weapons Comeback. *Policy Perspectives*. 2015, Vol. 3, N 1, P. 1–4.
- Utevsky A.V., Platt M.L. Status and the Brain. *PLoS biology*. 2014, Vol. 12, N 9, P. 1–4.
- Waltz K.N. The Anarchic Structure of World Politics. In: *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. Ed. by R.J. Art, R. Jervis. Boston: Pearson, 2017, P. 48–68.
- Ward S. Lost in Translation: The Misadventures of Social Identity and Status in IR Theory. *Unpublished manuscript*. Ithaca, NY: Cornell University, 2015, 42 p.
- Ward S. How Not to Measure Status: Diplomatic Exchange and the Problem of Operationalizing Standing in World Politics. 44 p. Mode of access: <https://stevenmward.files.wordpress.com/2014/10/hownottomeasurestatus.pdf> (accessed: 23.05.2019.)
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
- Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 1992, Vol. 46, N 2, P. 391–425.
- Yim O., Ramdeen K.T. Hierarchical Cluster Analysis: Comparison of Three Linkage Measures and Application to Psychological Data. *The Quantitative Methods for Psychology*. 2015, Vol. 11, N 1, P. 8–21.
- Zinoviev A. Data Visualization. In: *International Encyclopedia of Political Science* Ed. by B. Badie, D. Berg-Schlosser, L.A. Morlino. L.: SAGE, 2011, P. 537–545.